Я была в странном состоянии духа, когда возвращалась в свою комнату.

Когда я вышла из транса и вернулась в реальность, то обнаружила, что уже сижу на своей кровати в покоях слуг. Поскольку луна была уже высоко в небе, было очевидно, что я сижу там уже некоторое время.

Ничего не поделаешь. Стоило моим мыслям хоть немного отвлечься, как голос Грэма тут же возвращал меня обратно.

"Спокойной ночи".

Это было нежное приветствие, которое я никогда раньше не слышала из уст императора.

Конечно, у императора не было причин произносить эти слова в мой адрес. Его визиты всегда приходились на поздний вечер. Даже в тех редких случаях, когда он приходил ночью, он был не из тех людей, которые желают мне добра.

Но услышать, как кто-то с лицом императора желает мне спокойной ночи... Меня уже ничто не могло удивить.

Император живет в столице Адельвейна, в недельном путешествии на карете. Какими бы одинаковыми ни были их лица, Грэм не был императором.

Кроме того, он уже отличался от него во многих отношениях.

По сравнению с холодными, пустыми голубыми глазами императора, фиалковые глаза Грэма были полны чувств, какими бы слабыми они ни были. В отличие от императора, который судил обо всем, исходя из сиюминутных выгод и потерь, Грэм был удивительно терпелив.

Когда я вспомнила его горькое выражение, освещенное лунным светом, я почувствовала укол вины.

Не то, чтобы у меня не было своих причин, но когда я подумала об этом с точки зрения Грэма, когда мне пришлось терпеть свое невежество и унижение, не зная причины, мне захотелось пойти и удариться головой о стену.

Если подумать, как я относилась к Грэму до сих пор?

Я отворачивалась, когда видела его, не смотрела в глаза, никогда не отвечала, прикусывала язык, закрывала рот, как будто меня тошнило...

"О нет..."

Чем больше я думала обо всех этих неучтивостях, которые я проявила к Грэму, тем больше я не могла простить себя.

Словно туман рассеялся в моей голове.

Все было просто. Грэм был Грэмом. А не императором.

Но поскольку я не могла прийти к этому пониманию, я была помехой для него и для себя.

Не то, чтобы Грэм когда-либо причинял мне боль. Кроме того, он не был груб со мной. Он всегда был уважителен со мной с самого начала. Даже при нашей первой встрече, он протянул мне носовой платок, когда увидел, что я вспотела.

"Ах."

Я поспешно встала и открыла прикроватный ящик.

Затем погрузила руку в его глубины и услышала, как что-то зашуршало, пока я шарила рукой внутри.

Мне удалось зацепить и вытащить носовой платок Грэма, который лежал в ящике. Это был простой белый платок с инициалами G.S., вышитыми черной нитью в углу.

Я некоторое время смотрела на платок, затем глубоко вздохнула.

Давай пока спать.

Если я увижу Грэма завтра, тогда и верну платок. И тогда я извинюсь за все свои грубые действия до сих пор.

С этими мыслями я почувствовала, что могу лечь спать с более легким сердцем, чем обычно.

Кто знает? Возможно, я даже смогу подружиться с ним. Конечно, привыкнуть к этому лицу будет непросто, но, зная, что Грэм был совершенно отдельным от императора человеком, стоило хотя бы попробовать.

Мысль о том, что я смогу подружиться с Грэмом, немного улучшила мое настроение. Даже когда я легла и заснула, улыбка не сходила с моего лица.

Однако в своем волнении я не вспомнила одну очень важную вещь.

***

Было раннее утро, когда даже слуги еще лежали в постели. Однако Грэм был полностью одет и направлялся в комнату Милены.

Несмотря на то, что солнце только начало выглядывать, Грэм не выказывал ни малейшего признака усталости. Он даже казался легким на ногу, когда пробирался по коридору.

По правде говоря, Грэм был в прекрасном настроении. Хотя он не был уверен в причине, он был как-то взволнован, и сегодня ему удалось проснуться легче, чем обычно.

Поднимаясь по лестнице, он посмотрел вниз на конверт с бумагами, прижатый к боку.

Причина всех головных болей Грэма была аккуратно уложена в пачку. Если только он сможет получить одобрение Милены, то, наконец-то, получит ключ к решению этой проблемы. Грэм медленно открыл глаза, и с его губ сорвался глубокий вздох.

По правде говоря, он должен был получить ее одобрение еще вчера. Если бы Лайдел вдруг не объявила о своем желании заняться Миленой, бумаги могли бы уже быть у Грэхема на руках.

Но Грэм не обижался на нее. Хорошее настроение, в котором он сейчас находился, было скорее связано с Лидель, чем с бумагами в его руках.

Девушка, которую он встретил вчера вечером, стоя перед комнатой Милены, выглядела, как всегда, испуганной. Увидев Лидель, склонившую голову и неспособную даже схватить его протянутую руку, Грэм понял, что снова оказался в неосознанном неведении.

Если Лидель боялась его, то лучшее, что он мог для нее сделать - это исчезнуть. Но даже если он и знал об этом, то, если бы он протянул ей руку или упрямо заговорил с ней, это можно было бы расценить, не как внимание, а как злую шутку.

Звук полуотчаянного голоса Лидель, остановивший Грэма на его пути, когда он направлялся обратно после запоздалого осознания, все еще звучал в его ушах.

'Х-мм!'

И после того, как она так отчаянно окликнула кого-то, то, что вырвалось из ее рта, было...

'Желаю... спокойной ночи'.

Хотя он не мог разглядеть ее в темноте, Лидель набралась смелости и посмотрела в его сторону. Когда она дрожащим голосом произнесла свое приветствие, Грэм впервые смог встретиться взглядом с зелеными глазами Лидель.

А, я вижу ее.

Если быть честным, девушка, которая смотрела на него в тот вечер, была довольно симпатичной.

Ее ясные зеленые глаза дрожали, как у испуганного олененка, но они никогда не отворачивались от него. Несмотря на то, что ее губы дрожали и казалось, что она в любой момент разрыдается, она упорно смотрела прямо на него.

Увидев это лицо, Грэм понял, почему Милена считала Лидель симпатичной.

Человека с таким отчаянным выражением лица никак нельзя было обвинить во лжи.

Хотя Грэм и Милена умели распознавать подозрительных людей, люди, которым действительно есть что скрывать, не стали бы приближаться к своей цели, демонстрируя такую неприкрытую ненависть.

Конечно, Лидель могла быть отличной актрисой. Но если бы она действительно была актрисой, то стать примадонной в самой известной труппе Адельвейна ей бы больше подошло, чем стать чьей-то шпионкой.

"... Пфф."

Невольная ухмылка появилась на его лице, когда он вспомнил, как эти зеленые глаза пытались встретиться с его собственными.

Ее небольшое усилие - сохранить самообладание, было одновременно и восхитительным, и милым.

http://tl.rulate.ru/book/55653/1983477